

Ю.Л. Кроль

ИВР РАН

О китайском влиянии на оценку вана Кёнсуна в послесловии к гл. 12 *Самгук саги* Ким Пусика

1. Китайское влияние на «Записи историка о трёх государствах» (*Самгук саги* 三國史記) Ким Пусика 金富軾 (1075–1151) очевидно. Оно бросается в глаза при сравнении названий обоих исторических трудов – *Ши цзи* и *саги* 史記 («записи историка/или астролога/»), хотя и не сам Сыма Цянь назвал так свою историю, которая до II в. была известна как «Переданное господином великим астрологом» (*Тай ши гун чуань* или *чжи чуань* 太史公傳(之傳)), либо как «Книга господина великого астролога» (*Тай ши гун шу* 太史公書), и лишь потом стала называться *Ши цзи* [см. 15, гл. 128, с. 7; 4, с. 3 (и пр. 3), 74, 322–323 и пр. 152]. Схожи их композиции: деление на разделы, главные из которых – анналы государей в сочетании с биографиями выдающихся людей: это «основные анналы» *бэнь цзи* 本紀 и «упорядоченные повествования /биографии/» *ле чжуань* у Сыма Цяня; те же названия разделов и глав у Ким Пусика читаются *понги* и *эльчжон*. За анналами в *Ши цзи* следуют «хронологические таблицы» *бяо* 表, из них 8 именуется *нянь бяо* 年表, где счёт времени идёт по годам, ещё в 2-х – *ши* 世 *бяо*, где этот счёт идёт по поколениям, и в одной – *юэ* 月 *бяо*, где он идёт по месяцам, а в *Самгук саги* есть лишь 3 *нёнпхё* – корейское чтение названия *нянь бяо*. За «таблицами» в *Ши цзи* следуют 8 «трактатов» *шу* 書, а у Ким Пусика – 9 *чи* 志; так же называются трактаты в *Хань шу* 漢書 Бань Гу 班固, где этот термин читается *чжи*; темами трактаты Ким Пусика тоже больше напоминают трактаты *Хань шу*, так, 4 из них посвящены географии – «узору земли» (по-корейски *чири*, по-китайски *ди ли* 地理), – главу о которой в «образцовые истории» первым ввёл Бань Гу уже после Сыма Цяня, см. [5, с. 7–54]. Есть и другие особенности, которые отличают труд Ким

© Кроль Ю.Л., 2013

Бусика от *Ши цзи* и сближают с более поздними «образцовыми историческими». Как в *Хань шу* и в большинстве историй этого жанра, за исключением *У дай ши цзи* 五代史記 («Записей историка о [поре] пяти династий») [10, гл. 61–70], в труде Ким Пусика нет раздела «Наследственные дома» (*ши цзя* 世家). У него оценка историка вводится словами не «господин великий астролог сказал», как у Сыма Цяня, а «рассуждение (или оценка) гласит» (論曰). Но именно *Ши цзи* казались Ким Пусику образцом. В письме другу Сыма Цянь упомянул, что закончив свой труд, спрячет его экземпляр на «знаменитой горе» [11, гл. 62, с. 4271; 4, с. 323, пр. 149]; когда Ким Пусик представлял своё сочинение государю, то, намекая на эти слова, писал ему, что оно «недостойно хранения в сокровищницах великих гор». Здесь ощутимо отношение Ким Пусика к *Ши цзи* как к недостижимому эталону исторического труда [2, с. 62].

2. В переводе «Рассуждения» Ким Пусика из 12-ой гл. *Самгук саги* и примечаниях к этому тексту (см. [2, с. 293–294, 345, пр. 59, 60, 63, 64]) М.Н. Пак касается, наряду с прочим, и китайско-корейских связей и параллелей. Сперва, указав на недостоверность мифов, Ким Пусик сообщает, что, согласно им, два царя Силла появились на свет из яйца, а ещё один спустился с неба то ли в золотом ларце, то ли на золотой колеснице. Затем он останавливается на предании о китайском происхождении основателя корейского государства, полученном из китайских источников, когда в годы *Чжэн хэ* 政和 (1111–1117) Ким Пусик сопровождал посольство с данью от *вана* Силла к сунскому двору. Предание гласило, что незамужняя беременная дочь(?) некоего «императора» (*ди* 帝) или «из дома императора» прибыла по морю в Корею, где родила сына, который (неизвестно когда) стал первым правителем этой «Страны к востоку от моря». Ким Пусик описывает эту дочь даосским китайским выражением *ди сянь* 地仙, упомянутым в гл. «Рассуждение о бессмертных» *Баопу-цзы* 抱朴子 Гэ Хуна 葛洪; так даосы называли бессмертных (*сянь*) «среднего» ума и /или поведения средней нравственности, (*чжун ши* 中士), обитающих на «земле» (*ди*), в мире людей и бродящих по знаменитым горам (см. [12, т. 2, с. 1020–21; т. 1, с. 581, знач. 4; 8, с. 194, 30]. Ким Пусик добавляет, что «дочь императора» «долгое время (т.е. издавна, вечно) пребывает на горе Сондосан 仙桃山», и что сам он видел установленное в Китае в зале храма «изваяние /изображение бессмертной женщины» (*нюй сянь сянь* 女仙像) и читал текст о жертвоприношении ей, написанный сунским послом Ван Сяном 王襄, где она названа по-китайски «восточным божеством (или духом на Востоке) и совершенномудрой матерью» (*дун*

шэнь шэн му 東神聖母), и где есть фраза, что она была «беременна достойным человеком, который [впоследствии] основал государство». Отсюда Ким Пусик заключает, что «восточное божество (или дух)» и есть «божество (или дух) с горы Сондосан, которое [обладает] совершенной мудростью (*шэнь шэн чжэ* 仙桃山神聖者也).

3. Как кажется, описание фигуры женского божества с горы Сондосан, о котором так скупо говорит Ким Пусик, кое-чем напоминает фигуру женского божества из китайской мифологии. Я имею в виду Владычицу Запада Си-ван-му 西王母 (см. [1, т. 2, с. 568–570, 22, 727]). Согласно исследованиям Б.Л. Рифтина, она – женское божество древнекитайской мифологии, обладавшее снадобьем бессмертия, а в средневековом даосизме и фольклоре – «хозяйка своеобразного рая бессмертных (*сянь* 仙) (ср. [1, с. 422–423]) на горе Куньлунь, где растут персики бессмертия *пань-тао* 蟠桃 (замена снадобья бессмертия древних мифов). Считалось, что она и её муж хранят списки бессмертных, повелевают ими или наказывают их за проступки», а те стекаются к ней на торжества; её мужем со времен Хань считали Дун-ван-гуна 東王公, «Владыку Востока, покровителя всех бессмертных (*сянь*) мужского пола». Знаки, которые по-корейски читаются *Сондосан*, по-китайски произносятся *Сянь тао шань*, что значит Гора персиков бессмертных. Значит, Сондосан – аналог Куньлуна из китайского мифа, только находится не на Западе, а на Востоке (ср. географическое положение Кореи), потому связанное с ним женское божество – «совершенномудрая мать» – и названа «восточным». Функция Си-ван-му по крайней мере отчасти напоминает функцию корейской «восточной матери» в той мере, в какой она ассоциируется с бессмертием и его персиками. Но у корейского восточного божества есть и функция родоначальницы династии как «матери» основавшего её государя, тем самым внесшей особый вклад в становление корейской государственности. А есть ли схожая функция у Си-ван-му? Трудно сказать определённо из-за скудости сведений; но, кажется, это не исключено: она зовется *ван му*, что переводят «владычица», но дословно, как будто, может быть передано сочетанием «мать вана (царя)»?

4. Ким Пусик полагает, что великим достижением первого этапа истории корейской государственности было приобщение к китайской цивилизации. По его словам, ныне о начале царствования потомков родоначальницы ванов Силла известно лишь, что «они, находясь наверху, [на престоле,] умеренно [тратили средства] на себя, [но] они щедро [тратили их] на [других] людей, они учредили мало должностей, они совершили немного дел [и] служили государству

центра (= Китаю) со всей преданностью; [их] послы непрерывно один за другим перебирались через горы (досл. взбирались на горы с помощью лестниц) и переплывали [море], являясь на аудиенции [ко двору государства центра]; [их цари (*ваны*)] постоянно посылали [туда] сыновей и младших братьев, [чтобы те] прибыли ко двору и несли ночную охрану во дворце, поступали в школу, занимались ученьем и таким образом усвоили преобладающее влияние нравов, [восходящих к тамошним] совершенным мудрецам и достойным людям, и изменили первобытные обычаи [своего далёкого прошлого], так что [Силла] стало государством, [соблюдающим] обряды (ритуал) и справедливость. Кроме того, опираясь на чудесное грозное величие армии [своего] царя (*ван*), [Силла] захватило земли Пэкче и Когурё, превратив [их] в [собственные] округа и уезды, можно сказать, стало процветать» [9, гл. 12, с. 128]. М.Н. Пак приводит мнение исследователя Ли Пёндо, что «миф о горных духах, издавна существовавший в Корее, мог получить связь с Китаем лишь в обработке человека, проникнутого китафильским сознанием, или происходившего из Кореи и жившего в Китае. Во всяком случае, Ким Бусик приводит её для того, чтобы показать исконные связи Кореи с Китаем» [2, с. 345, пр. 59]. Как кажется, из текста «рассуждения» из гл. 12 труда Ким Пусика следует, что он считал благом для Силла приобщение к китайской культуре с её нравственностью, позволившее Силла оставить позади своё «первобытное» прошлое.

5. Единственный вид иноземного влияния, испытанного Силла, которого в своём «рассуждении» не одобрял Ким Пусик – это распространение буддизма; по словам М.Н. Пака, средневековый историк видел «причину гибели силланского государства» «в чрезмерном распространении буддизма, в росте влияния буддийских монастырей», связанном «с общим процессом роста на местах крупного феодального землевладения, подтачивавшего силы центрального правительства» [2, с. 293–294, 345, пр. 62].

6. Китайская тема в «рассуждении» из гл. 12 *Самгук саги* имеет и ещё один поворот. Размышляя об истории и её персонажах, Ким Пусик пользуется стереотипными фигурами (образами), почерпнутыми из писаний представителей китайской культуры. Так, он «сравнивает» судьбу предпоследнего силланского вана Кёнэ 景哀 с «судьбой последнего правителя (*хоу чжу* 後主) династии Чэнь (陳) – Шу-бао» [叔寶] (924–927) [3, с. 634, 638, пр. 34]. При этом он в духе китайской историографии стилизует «портрет» этого вана под изображение последнего «дегенеративного правителя» династии в Китае, а его любимую жену рисует как его порочную подругу, «постоянно

сопровождаящую его в разгульных пирах». На этом примечания М.Н. Пака к гл. 12 *Самгук саги* на китайскую тему заканчиваются. К сожалению, волею судеб за их пределами остались два существенных момента, которые, по-моему, нуждаются в обсуждении. Оба связаны с фигурой вана Кёнсуна 敬順王, последнего государя Силла (правил в 976–935, скончался в 978 г.) в высоком сане князя (*кон*) Чонсына 正承公 (что значит князь – помощник в правлении), см. [3, с. 634, 638, пр. 35]).

7. В отличие от вана Кёнэ, наделённого чертами «дегенеративного» правителя, в глазах Ким Пусика последний ван Силла, был чрезвычайно достойным монархом, а затем стал преданным подданным Корё. На оценку Кёнсуна в *Самгук саги* повлияла оценка, данная классиком китайской литературы Су Ши 蘇軾, второе имя (Су) Цзычжань (蘇子瞻¹, он же Су Дун-по 蘇東坡 (1036–1101) [16, р. 680–682, № 1785] вану У и Юэ (или Уюэ) 吳越王 Цянь Шу 錢俶 (948–978) [2, с. 337, 338, пр. 8]. Этот ван – последний на престоле У и Юэ (в транскрипции Л.Р. Концевича – Уюэ) – отправился в столицу Сун, чтобы передать свои земли под власть этой династии и вступить в её подданство; при этом он был встречен наследником императорского престола, обласкан и осыпан почестями, и милостивое отношение к нему китайского монарха продолжалось вплоть до самой смерти Цянь Шу. В его посмертное имя, содержащее оценку покойного, входит иероглиф *чжун* 忠 («преданный, преданность»), см. [2, с. 337; 1, р. 145; 13, с. 882]. Су Ши, написавший текст на стеле в храме для жертвоприношений духам вана (или ванов) клана Цянь в 10-м г. *Си-нин* 西寧 (1077 г.) под названием «[Надпись на] стеле из даосского храма, прославляющая преданность государя (или государей) из клана Цянь (*Цянь ши бяо чжун гуань бэй* 錢氏表忠觀碑)». Цитаты и некоторые мысли из этой надписи входят в заключительную часть «Рассуждения» Ким Пусика из гл. 12 *Самгук саги*. Ниже цитаты выделены мной в переводе внутренними кавычками:

«Кёнсун покорился Тхэчжо 太祖, [правителю Корё], и хотя не получил того, чего хотел, его поведение тоже достойно похвалы! „Если бы [он] сражался с [Тхэчжо] изо всех сил, и таким образом стоял насмерть, давая отпор армии вана [Корё“, то дело] дошло бы до того, что силы [его] истощились бы и мощь иссякла. В этом случае [он] непременно погубил бы свой клан, и беда постигла бы [его ни в чём] не повинный народ. Но тогда [он], „не дожидаясь высочайшего повеления, объявленного [Тхэчжо, велел] опечатать государственную сокровищницу и хранилища, составить списки [населения] округов и уездов“, чтобы отдать их [ему]. „Заслуги, которые

он обрёл перед двором, и благодеяние, которое он совершил по отношению к народу, чрезвычайно велики“. В старину государь из клана Цянь включил [земли своего владения] У и Юэ (или Уюэ) в [государство] Сун, и Су Цзы-чжань (т.е. Су Ши) назвал его [за это] „преданным подданным“; ныне же заслуги и благодеяния [Кёнсуна, правителя] Силла, оставили его (Цянь Шу) [заслугу и благодеяние] далеко позади! У нашего Тхэчжо жён и наложниц было множество. С тех пор, как Хёнчжон 顯宗 взошёл на драгоценный престол, после этого все, кто продолжал династию, были его сыновья и внуки. Разве [это] не воздаяние [вану Кёнсуну] за его тайное благодеяние (*инь дэ* 陰德)?» [9, гл. 12, с. 128; ср. 13, гл. 55, с. 883].

8. Это «рассуждение» едва ли вполне понятно современному сознанию без пояснений. Их можно найти в материалах нашей конференции за 2009 г. [6, с. 226–236]. *Инь дэ* переводили «тайная добродетель» (мой старый перевод), «сокровенные добродетели» (М.Н. Пак) и «скрытая добродетель» (Р.В. Вяткин) (см. [4, с. 103; 5, гл. 45, с. 106; 7, кн. 12, с. 394]). Мой новый перевод – «тайное (или скрытое) благодеяние» указывает на действие (поступок), о котором не знают другие, но за которое совершивший его, получает «воздаяние (*бао бэй*)» Неба, очевидное для всех. Это воздаяние, благое, как и сам поступок, поскольку по принципу взаимного притяжения объектов того же рода в космосе подобное влечётся к подобному. Воздаяние не только приходит («притягивается») к совершившему «тайное благодеяние», но распространяется и на его потомков в ряде поколений; это идёт во благо не только им, но и совершившему благой поступок, поскольку считалось, что его дух принимает кровавые жертвы, питающие его, только от лиц того же рода или клана, что и он сам [16, р. 301–303]. По этой теории, посредством их жертвоприношений его духу и реализуется воздаяние Неба. Отсюда представление, что верный признак совершения «тайного благодеяния» предком – наличие у него длинного ряда потомков, какой бывает в первую очередь у представителей знати и особенно членов правящих династий, способных из поколения в поколение поддерживать заупокойный культ предков. Ким Пусик безусловно мог почерпнуть эту концепцию и у Сыма Цяня, и у других историков и философов, особенно у не чуждых даосизму (похоже на то, что она даосского происхождения, но встречается не только у даосских авторов). В «Основных анналах Силла» историк сообщает, что Кёнсун-ван отверг совет наследника престола не отдавать своё государство без боя под власть Тхэчжо, государя Корё, а собрать все силы и положиться на судьбу, предопределённую Небом – и будь, что будет;

наследник престола, чей совет не был принят, удалился, стал отшельником и оставался им до конца своих дней. Кёнсун-ван отклонил его совет, ибо считал, что царство Силла слабо, что он не в состоянии обеспечить безопасность царства и сохранить в целости, что он одинок и не может допустить истребления своего «[ни в чём] не повинного народа», а раз у него не выходит действовать силой, то ему следует пойти путем слабости. В 11-м месяце 9-го года своего царствования, т.е. в декабре 935 г., он направил своего посланника к Тхэчжо с письмом, прося разрешить ему добровольно подчиниться. Они свиделись в 12-м месяце того же 9-го года. Тхэчжо устроил Кёнсону пышную встречу при стечении толп народа, подарил прекрасный дом к востоку от своего дворца и выдал за него замуж свою старшую дочь. Тогда-то бывший ван Силла и получил титул князя – помощника в правлении Чонсынгон 正承公 со статусом «выше наследника престола (太子)» и жалованьем размером в 1000 сок 石 зерна; сопровождавшие его чины все были взяты на службу; а государство Силла было переименовано в область Кёнчжу 慶州 и превращено в удел, доходы с которого предназначались в качестве кормления князю Чонсыну. Вначале Тхэчжо был так рад добровольному переходу Силла под свою власть, что обходился с его бывшим ваном с великой учтивостью; он велел передать ему: «То, что ныне [вы,] ван, отдали мне, одинокому, [своё] государство – это великий дар! Хотелось бы породниться, вступив в брак с [девой из вашего] дома (клана)». В ответ князь Чонсын предложил ему дочь своего дяди. Выйдя замуж, та родила Тхэчжо сына, отца будущего вана Корё Хёнчжона (1010–1031). С тех пор все ваны Корё вплоть до восьмого – Хёнчжона – были одновременно потомками и Тхэчжо, и Кёнсуна, который таким образом за «тайное благодеяние» – спасение «двора», клана (династии) и народа получил явное воздаяние – его потомки продолжали занимать престол ванов, но не в Силла, а в Корё и питать жертвоприношениями дух своего предка².

Примечания

¹ М.Н. Пак транскрибировал эти иероглифы Сочжачхом, приняв их за «кликку (字) автора “Исторических записей...” Ким Бусика» [2, с. 294, 345, пр. 65]. Это недоразумение. Те же иероглифы читаются по-китайски Су Цзы-чжань, это Су Ши, названный своим вторым именем. В результате от внимания исследователя ускользнуло, что Ким Пусик принял оценку вана Цянь Шу, данную Су Ши; историк Силла опирался на неё как на модель, как на пример оценки монарха, добровольно и мирно уступившего своё царство другому государю, согласившись стать его «преданным подданным». По-китайски этот акт обозначался термином *гуй мин* 歸命, см. [10, гл. 67,

с. 116], «прийти /примкнуть с [изъявлением] покорности» («покориться»), которым китайский историк описывал поведение правителей государств из района бывшего царства Чу 楚, расположенных на территории древней области Цзинчжоу 荊州 (= Цзин Чу 荊楚); по его словам, после того, как они «покорились» императору Сун, Цянь Шу, ван У и Юэ почувствовал, что его одиночество растёт, и начал разорять своё государство сбором средств для представления дани сунскому государю, иначе говоря, пошёл по их стопам. Тем же термином *гуй мин* («вручил свою судьбу» в переводе М.Н. Пака [2, с. 402]) назвал Ким Пусик поступок вана Силла по отношению к вану Корё Тхэчжо, когда тот уступил последнему свою территорию с населением и свои богатства (см. [9, гл. 12, с. 128]).

² Я глубоко благодарен А.Ф. Троцевич, обратившей моё внимание на упоминание *инь дэ* в «рассуждении» из гл. 12 *Самгук саги* и предоставившей мне ряд консультаций, необходимых в связи с этой работой.

Литература

1. Духовная культура Китая. Энциклопедия в пяти томах. Тт. 1, 2. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2006, 2007.
2. *Ким Бусик*. Самгук саги. Изд. текста, перевод, вступит. статья и коммент. М.Н. Пака. М.: Изд. восточной литературы, 1959.
3. *Концевич Л.Р.* Хронология стран восточной и центральной Азии. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2010.
4. *Кроль Ю.Л.* Сыма Цянь – историк. М.: ГРВЛ, 1970.
5. *Кроль Ю.Л.* Географический трактат «Истории Хань» // Страны и народы Востока. Вып. XXXII. М., 2005. С. 7–54.
6. *Кроль Ю.Л.* Представления Сыма Цяня о «тайном благодеении» (*инь дэ*) // XXXIX научная конференция Общество и государство в Китае. М., 2009. С. 226–236.
7. *Сыма Цянь*. Исторические записки. Т. VI. Пер. с кит. Р.В. Вяткина. Комм. Р.В. Вяткина и А.Р. Вяткина. Предисл. Р.В. Вяткина. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1992.
8. *Дао цзяо да цы дянь* 道教大辭典 (Большой словарь [лексикологии] даосизма). Ханчжоу, 1988.
9. *Ким Пусик* 金富軾. Самгук саги. Вонмун. 三國史記. 原文. 1冊. (Записи историка о трёх государствах /традиц. перевод: Исторические записки трёх государств. Оригинальный текст. Т. 1). Сеул, 1996.
10. *У дай ши цзи* 五代史記 (Записи историка о [поре] пяти династий). Пекин, 1958.
11. *Хань шу бу чжу* 漢書補注 («История Хань» с дополнительным комментарием). Ван Сянь-цянь 王先謙 – сост. доп. комм. Пекин, 1959.
12. *Хань юй да цы дянь* 漢語大辭典 (Большой словарь китайского языка). Ло Чжу-фэн 羅竹風 – ред. Шанхай, 1986–1994. Т. 1–12.
13. *Цзин цзинь Дун-по вэнь цзи ши люэ* 經進東坡文集事略 (Собрание литературных произведений [Су] Дун-по, отобранных и представленных [для чтения], и его краткое жизнеописание). Пекин, 1957. Т. 2.

14. *Цзю у дай ши* 舊五代史 (Старая история пяти династий *У дай ши цзи* 五代史記 Записи историка о [поре] пяти династий). Пекин, 1958.

15. *Сьма Цянь* 司馬遷. Ши цзи хуй чжу као чжэн 史記會注考證 («Записи историка» с собранием комментариев и критическим исследованием). Пекин, 1955. Т. 1–10.

16. *Giles H.A.* A Chinese Biographical Dictionary. London: Bernard Quaritch; Shanghai: Kelly & Walsh, Limited, 1939. [Reprint].

17. *Kroll J.L.* “*Shih ji, Han shu* and the Han Culture” // *Archiv Orientalní*. Vol. 74. № 3. 2006. Pp. 299–348.